

С.А. Громько
Вологодский государственный университет

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В РУССКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111
«Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»*

В работе исследуются библейские фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты, имена, сюжеты, которые использовались в публичной парламентской дискуссии начала XX века в Государственной Думе. Библиейский интертекст анализируется с позиции его функционирования в интенциональном и персуазивном аспектах.

Интертекст, библеизмы, парламентский дискурс, интенциональность, персуазивность.

Библеизмы в русском националистическом дискурсе – явление частотное и заметное, особенно если речь идет о текстах начала XX века. Различного рода публичные выступления членов и руководителей правомонархических движений и партий вообще крайне насыщены интертекстом. Исследованные ранее такие источники прецедентности, как художественная литература [10] и факты истории [8], позволили говорить не только о богатстве, но и специфичности интертекстуального уровня националистической коммуникации, в отличие от дискурса левых и кадетов, чему есть несколько объяснений. Во-первых, социальным ядром русских националистов было консервативное высокообразованное дворянство, ориентированное в своем мировоззрении на русскую культуру начала-середины XIX века. В публичных дискуссиях это проявлялось в использовании цитат и аллюзий из художественных и публицистических произведений А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и резком неприятии текстов Л.Н. Толстого и М. Горького [10]. Во-вторых, правые монархисты стремились выработать исключительно свой инвентарь прецедентности, который мог бы служить маркером принадлежности автора текста к русскому праворадикальному крылу. Наконец, в политическом смысле русский национализм объявлялся его сторонниками логическим продолжением как русской классической литературы, культуры, науки, так и русской истории, хотя концепция последней и была неоднозначной [8].

В этой связи библейский интертекст играл очень важную роль. Русские националисты, действовавшие в институциональном публичном поле, всячески демонстрировали преемственность уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», поэтому библейская прецедентность выполняла идеологическую функцию. Религиозная риторика также являлась одним из средств мобилизации аудитории. Не стоит забывать, что важное место среди членов и сторонников «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» занимали авторитетные и харизматичные

священники, например митрополит Евлогий и архиепископ Никон Рождественский. И если первый, будучи членом Государственной Думы, выступал с политическими речами, используя приемы церковно-проповеднического стиля, то второй целиком трансформировал проповедь под идеологические задачи [9].

Под библеизмами в самом широком смысле понимается любая интертекстуальная реализация библейского текста в любом другом тексте культуры [2, с. 54]. В современной отечественной филологии намечилось несколько направлений изучения библеизмов. Во-первых, это межкультурное и переводоведческое направление, представленное многочисленными сопоставительными работами, посвященными изучению библейских фразеологизмов в русском, английском, немецком, чешском и других языках [15; 16; 1; 14; 26; 19; 11 и др.]. Во-вторых, продуктивно исследование библейского интертекста в художественном тексте: в творчестве М.И. Цветаевой [20], М.А. Булгакова [22], М.М. Пришвина [13], Н.П. Гилярова-Платонова [21] и других писателей и публицистов. Кроме того, в последние два десятилетия активно изучается функционирование библеизмов в медиатекстах [17; 18; 23; 24 и др.].

Ниболее полным и комплексным исследованием библейского интертекста в политическом дискурсе на сегодняшний день является диссертация Е.И. Боллигер [2]. Это сравнительное исследование современных американского, европейского и российского дискурсов позволило сделать вывод о насыщенности библеизмами американских политических текстов и сравнительной бедности российских. «На основании проведенного сопоставительного исследования библеизмов в речах американских, британских, российских, а также немецких и швейцарских политиков нужно отметить факт ограниченного употребления библеизмов в российском и немецкоязычном институциональном дискурсе» [2, с. 123]. Особенно интересными следует признать наблюдения (к сожалению, единичные и разрозненные) над функционированием библейского интертекста в речах российского поли-

тического лидера. Библизмы здесь являются либо цитатой, либо аллюзией, появляются они в качестве давно деэтимологизированных крылатых слов с целью отступления от официального тона и перехода к разговорной речи: «В речах президента В. Путина периодически встречаются библизмы, но сам президент не усматривает в них библейского наследия, относя их к оборотам живого русского языка» [2, с. 109–112]. Последнее замечание основывается на наблюдениях над маркированием этих оборотов в устной и письменной речи президента.

Действительно, важным фактором функционирования библейского интертекста в институциональном дискурсе является уровень его осмысления. Универсальность библизмов, значимость Библии как религиозного и морально-этического прототекста для всей европейской культуры не вызывает сомнений. Однако у этой универсальности есть и обратная сторона: высокая частотность библейского интертекста, проникновение его в различные сферы коммуникации вызывает как существенные смысловые трансформации библизма, так и его отрыв от первоисточника в сознании говорящего/пишущего. Эта ситуация особенно актуальна для политического дискурса и медиадискурса, где коммуниканты могут целенаправленно или неосознанно изменять маркеры прототекста. Так возникает вторичное маркирование библизма, характеризующееся отнесением его не к первоисточнику, а к иным социально-политически значимым текстам.

Например, в «Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной выражение *грабить награбленное* в значении «незаконно присваивать чужую собственность, грабить кого-либо под видом восстановления социальной справедливости» возводится к нескольким фрагментам Ветхого Завета, в частности к текстам книг пророков Иезекииля, Исаяи, Иеремии. При этом иллюстративный материал современного употребления не демонстрирует актуальности маркирования выражения как библейского, наоборот, на первый план выходит вторичное маркирование: «Как известно, во время войн и революций всегда происходит оживление криминальных элементов. Это их время. И многие из них искренне воплощали в дело *большевистский лозунг* (выделение наше. – С. Г.): “*Грабь награбленное!*” Он пришелся всем преступникам по вкусу, правда, они не разбирали, кого грабят – буржуя или вождя революции? Ю. Безелянский. Рождественская быль. Старая история, рассказанная заново // Вечерняя Москва. 18.12.2003» [12, с. 160].

В другом лексикографическом труде – «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В.В. Серова – этот же фразеологизм в форме *грабь награбленное* возводится к речи В.И. Ленина, произнесенной 24 января 1918 г. перед отправляющимися на фронт агитаторами. При этом сам Ленин в своей речи, естественно, не маркировал в качестве библизма фразу, а отнес ее авторство предположительно донскому казаку Шамову: «Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: “А правда ли, что вы, большевики, грабите?” – старик ответил: “Да, мы грабим награбленное” [25, с. 149]. Автор словаря не видит в высказывании биб-

лейского прототекста и предлагает возводить его к фразе Прюдона «Собственность – это воровство», что представляется сомнительным. Сам же фразеологизм толкуется В.В. Серовым как «фраза-символ примитивного, неэффективного решения проблемы распределения материальных благ в современном обществе, *аллюзия на теорию и практику большевизма* (выделение наше. – С. Г.) [25, с. 149].

Эти примеры показывают, что в процессе анализа библейского интертекста в медиадискурсе и политической коммуникации необходимо учитывать позицию говорящего/пишущего по отношению к прецедентному феномену, степень осознания им этого феномена, определения его как концептуального либо выполняющего вспомогательные функции в тексте. Только в этом случае можно делать какие-либо выводы в отношении персуазивности библизмов в конкретном дискурсе. Целью данной статьи является анализ функционирования библизмов в русских националистических текстах в интенциональном и функциональном аспектах. Для целей нашего исследования важно было не просто выявить библизмы в выступлениях русских националистов, но сделать акцент в первую очередь на их осмыслении говорящими и понять, является библейский интертекст для них просто стилистическим оборотом или выполняет другие функции.

Материалом для исследования послужили устные публичные выступления российских политиков в Государственной Думе начала XX века, придерживавшихся идеологии русского национализма (члены крайне правых и умеренно правых фракций): Н.Е. Маркова, В.М. Пуришкевича, Г.Г. Замысловского, А.Н. Хвостова, А.С. Вязигина, Н.С. Левашева и других. В качестве источника использовались официальные стенографические отчеты о работе Государственной Думы 1908–1916 гг., то есть практически за весь период существования дореволюционной Думы. На первом этапе нами было выбрано и проанализировано 54 библизма, среди которых встретились фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты, имена, сюжеты. Далее определялись дискурсивные характеристики высказывания, содержащего библейский интертекст: жанр, тема, политический контекст, адресованность, степень агональности. На третьем этапе анализировался широкий контекст употребления библизма для определения степени трансформации прецедентного феномена, адекватности его использования прототексту. На четвертом этапе устанавливалось наличие маркеров речевой рефлексии по поводу использования библизма. В результате делался вывод об интенциональных особенностях библейского интертекста, то есть о его встраиваемости в определенные коммуникативные стратегии и тактики, применявшиеся оратором.

По результатам исследования были выделены следующие функции библизмов.

1. В абсолютном большинстве случаев библизмы в выступлениях думских националистов использовались для прямого обозначения негативных с моральной и религиозной точек зрения поступков и ситуаций. Подобный интертекст функционировал в агональных речах, адресованных политическим оппонентам. В первую очередь обращает на себя внимание

частотность обозначения при помощи библеизмов обвинения в предательстве. Так, например, один из лидеров правых в Четвертой Думе А.Н. Хвостов, выступая 3 августа 1915 года с предложением о создании комиссии для борьбы с немецким засилием, по сути, обвинил министра финансов в предательстве национальных интересов во время войны: *Но министр финансов не всем торгово-промышленным предприятиям разрешает иметь странствующих приказчиков, а только тем старым немецким акционерным компаниям, которые платят не менее 500 рублей в год промыслового налога. Вы знаете, что такое 500 рублей для какой-нибудь акционерной компании. Таким образом право шпионажа, как я скажу попросту, получают те промышленные немецкие предприятия, которые платят 500 рублей. Не напоминают ли вам, господа, эти 500 рублей по современному курсу известных библейских 30 серебряников?* (Голоса справа: *Браво! Рукоплескания справа, в центре и на отдельных местах слева*) [5, с. 368]. Сюжет, связанный с предательством Христа Иудой за тридцать серебряников, также встречается в качестве прототекста в речах В.М. Пуришкевича и Н.Е. Маркова, но, кроме того, и в выступлениях депутатов других фракций, что объясняется его известностью и распространённостью. Интенциональная функция расхожих библеизмов чаще всего раскрывается через механизм дисфемизации обозначаемого ими действия: если обвинение в предательстве само по себе агрессивное, то упоминание тридцати серебряников, а тем более навешивание ярлыка «иуда», направлено на существенное понижение политического статуса оппонента.

Правые члены Думы использовали в этой функции и другие библеизмы: «дать просящему камень вместо хлеба» (жестко насмеяться), «соблазнить единого от малых сих» (развращать народ, крестьян), «служить не Богу, а мамоне» (неправедно обогащаться), «служить золотому тельцу» (ставить финансовую прибыль выше интересов государства и общества), «продать первородство за чечевичную похлебку» (поступаться политическими принципами за сиюминутную выгоду) и т.д. Так, В.М. Пуришкевич, выступая 12 декабря 1908 года по результатам доклада министра иностранных дел, дал следующую оценку признания министерством аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией: *Но признать аннексию – одно, а ездить на съезды и создавать конференцию – другое, и вот, я позволяю себе думать, что большая часть русского общества правого направления, стоящая на национальной почве, помня горькие уроки прошлых лет, будет высказываться и выскажется всегда против того, чтобы мы ездили куда ты то ни было на конференции, не потому, господа, даже, что мы могли бы за чечевичную похлебку, за компенсацию продать права своего первородства. Это было бы в высокой степени позорно* [3, с. 2654]. Во всех подобных случаях библеизмы призваны усугубить негативную оценку политических оппонентов, усилить экспрессивный характер этой оценки. Таким образом, самая частотная функция библейского интертекста – дисфемизация и усиление экспрессивности высказывания с целью обвинить, опорочить и понизить политический статус оппонентов. К таковым национа-

листы относили кадетов, социалистов и отдельных членов правительства. Степень осознанности библейского прототекста при этом проследить достаточно сложно, так как ораторами использовались в основном такие «базовые» библеизмы, которые были известны даже человеку, знакомому с Библией только по урокам Закона Божия, а также ставшие фразеологизмами.

2. Отдельную функциональную группу составляет ироническое употребление библеизмов. Оно основывается на несоответствии между высокими событиями и героическими персонажами Священной истории, с одной стороны, и политическим дискурсом с его актантами – с другой. Эта группа библеизмов существенно уступает первой в общей численности употреблений – менее 25%. Такая сравнительная малочисленность объясняется необходимостью владения библейским прототекстом в высокой степени: ирония действительна только тогда, когда у современных и библейских событий есть общее основание для сопоставления, а видеть такие параллели может лишь такой оратор, который хорошо знает Библию, а не ограничивается набором фразеологизмов и крылатых слов. Не удивительно, что практически все факты такого употребления приходится на двух ораторов – Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. *Н.Е. Марков: Господа, я понимаю вас, в особенности я хорошо понимаю этого чистого теоретика депутата Ефремова. Когда господин Ефремов вышел на кафедру, я наслаждался, слушая его: вот человек, который говорит буквально то, что думает и чувствует, человек, в котором нет лукавства, чего, к сожалению, не могу сказать о других его друзьях (Смех)* [6, с. 1445]. Пафос похвальных слов Христа по отношению к Нафанаилу («вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства») в данном случае соотносится говорящим с радикальностью высказываний оппонента. Параллель между праведным Нафанаилом и депутатом Ефремовым, высказывавшим без политических обиняков взгляды своей фракции, произвела комический эффект в зале заседаний. *Н.Е. Марков: Но, господа, кому защищать русскую деревню? Курское земство пробовало это сделать... Но ведь курское земство вы именуете зубрами, вы серьезно не хотите и слушать того, что исходит из Курска. Вы всегда говорите: из Назарета может ли быть что доброе, а между тем только из Назарета доброе и выходит* [7, с. 4516]. В данном случае оратор при помощи слов Нафанаила иронизирует над неверием оппонентов в политические и хозяйственные успехи правых. Объектом такой иронии, как правило, также являлся политический оппонент, но, в отличие от первой функции, он подвергался осмеянию, а не демонизации. Подобная трансформация библейских сюжетов, как правило, связана с их правильным пониманием говорящим, с достаточным глубоким осознанием контекста евангельских событий и персонажей, так как комический эффект возникает именно благодаря параллелям между библейскими событиями и политической повесткой дня.

3. Небольшое количество библейских крылатых выражений регулярно употреблялось националистами для экспрессивного обозначения речевой деятельности ораторов и Думы в целом. Малочисленность этих

выражений компенсировалась их высокой частотностью и распространенностью в прениях на самые разные темы. Например, знаменитая фраза из Книги пророка Исаии использовалась, чтобы указать Думе на ее невнимание к верным и важным предложениям правой фракции. *Левашев: Мы призывали вас принять... самые энергичные меры против внутреннего немецкого засилия, дошедшего, отчасти вследствие ошибок власти, отчасти вследствие попустительства Государственной Думы до невероятных размеров и являющегося серьезным препятствием даже для дела государственной обороны. К сожалению, при царствовавшей здесь атмосфере партийности и политических страстей наш призыв остался гласом вопиющего в пустыне* [7, с. 1261]. Для обозначения выступлений оппонентов из фракций кадетов и социалистов несколько раз использовалось существительное «иеремиада», отсылающее слушателя к Книге Плача Иеремии.

Отдельно следует отметить речевые образования, которые условно можно назвать псевдобиблеизмами. Правые радикалы активно внедряли в повестку работы парламента дело Бейлиса, а в свои речи – образ русского мальчика, зверски убитого евреями. С 1912 г. наблюдается сакрализация образа Андрея Ющинского. В националистической риторике вырабатывается устойчивая номинация мальчика-жертвы, связанная с православным ликом святости мученика. Поскольку жертва не была канонизирована, ее нельзя было называть мучеником, однако, чтобы подчеркнуть близость Андрея Ющинского к этому лику святости, использовались формулы «умученный», «умученный отрок», «невинно умученный отрок». *Н.Е. Марков: ...Я протестую против всего того, что раздавалось с этих скамей слева, и я заявляю, что возмущен этой защитой, защитой тех, кто умучил русского христианского отрока (Шум слева)... Светлая память умученного отрока Андрюши Ющинского!* [4, с. 1755]. Убийство Андрея Ющинского помещалось в библейский контекст за счет стилистики высказывания (возвышенная лексика, церковнославянизмы) и искусственного сближения современности с библейскими событиями. *Н.Е. Марков: Совершенно правильно, иудей Азман прав. Если бы «Русские ведомости» были распространенной газетой, если бы по ним жила Россия, тогда бы у нас было бы то же самое, что творится в Австро-Венгрии, где младенцы находятся, младенцы с источенной кровью обретаются, но где дел вроде дела Бейлиса не возбуждают* (Там же, с. 237).

Псевдобиблеизмы об умученном отроке или младенцах с источенной кровью представляют собой смешение библейского архетипа детской жертвы (сюжеты об Аврааме и Исааке, об избииении младенцев по приказу Ирода и др.) с мифом о еврейских ритуальных убийствах и делом Бейлиса. Подобные персуазивные образования лишь на первый взгляд могут показаться невежественным обращением с библейским текстом. На самом деле, такие ассоциативные сближения являются умышленными и нацеленными в первую очередь на массы, а не на политических оппонентов. Церковнославянская стилистика проанализированных фрагментов позволяет говорить о сознательной стилизации современных говорящему событий под библейские сю-

жеты с целью сакрализации этих событий, вызова эмоционального отклика аудитории.

Таким образом, можно сделать вывод, что русский националистический дискурс начала XX века отличался не только насыщенностью библеизмами, но и их специфическим функционированием. Библейский интертекст использовался не просто как стилистический прием, но как средство речевого воздействия на политических оппонентов и массового адресата. Некоторые функции, как, например, ироническое употребление библеизмов, выходили далеко за рамки содержания курса Закона Божия и требовали от ораторов высокого уровня знания и осмысления библейских сюжетов, эрудиции и широкого кругозора. В основном библейский интертекст использовался для реализации деструктивных коммуникативных стратегий, в первую очередь дискредитации и обвинения. Манипулятивным следует считать создание псевдобиблеизмов с целью инспирирования негативного отношения к евреям и политикам, которые их защищали.

Литература

1. Беликова, Г. В. Библеизмы как способ актуализации русско-французского межкультурного диалога : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Беликова Г. В. – Ярославль, 1999. – 232 с.
2. Боллигер, Е. И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Боллигер Е. И. – Тверь, 2005. – 141 с.
3. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия вторая. Часть первая. Заседания 1–35. – Санкт-Петербург, 1908. – 3152 с.
4. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913–1914 годы. Сессия вторая. Заседания 1–28. – Санкт-Петербург, 1914. – 2095 с.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия четвертая. – Петроград, 1915. – 1399 с.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия четвертая. Заседания 17–37. – Петроград, 1916. – 3502 с.
7. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия четвертая. Заседания 38–60. – Петроград, 1916. – 5813 с.
8. Громько, С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе) / С. А. Громько // Медиариторика и современная культура общения: наука-практика-обучение : сборник статей XXII Международной научной конференции (Москва, 30 января – 01 февраля 2019 г.) / под редакцией В. И. Аннушкина. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 339–345.
9. Громько, С. А. Риторика русского национализма начала XX века / С. А. Громько, А. В. Матвеев. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2021. – 147 с.
10. Громько, С. А. Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов) / С. А. Громько // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 40–52.
11. Дубровина, К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культурах / К. Н. Дубровина. – Москва, 2012. – 264 с.

12. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – Москва, 2010. – 808 с.
13. Зубова, Ж. А. Библейская фразеология в художественных произведениях М. М. Пришвина / Ж. А. Зубова, М. А. Анзина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 137–140.
14. Кислякова, Е. Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (на материале текстов художественной литературы) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кислякова Е. Ю. – Волгоград, 2004. – 24 с.
15. Корнеева, А. П. Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Корнеева А. П. – Москва, 2009. – 19 с.
16. Назарова, И. П. Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Назарова И. П. – Краснодар, 2001. – 178 с.
17. Прибытько, Е. Н. Библеизмы в языке современных газет : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прибытько Е. Н. – Воронеж, 2002. – 20 с.
18. Пыстина, О. В. Функционирование библеизмов как прецедентных феноменов в современном медиатексте (на примере региональных СМИ) / О. В. Пыстина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 10 (64), ч. 3. – С. 137–141.
19. Реунова, Е. В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Реунова Е. В. – Москва, 2015. – 255 с.
20. Романова, Г. В. Использование библеизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Романова Г. В. – Воронеж, 2003. – 20 с.
21. Рудакова, В. А. Трансформация библейских фразеологизмов в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова / В. А. Рудакова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 3–2. – С. 18.
22. Хрячкова, Л. А. Отбор и использование библеизмов в художественном наследии М. А. Булгакова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хрячкова Л. А. – Воронеж, 2004. – 24 с.
23. Худякова, Е. С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ / Е. С. Худякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Вып. 49. – 2008. – С. 226–234.
24. Шихова, Т. М. Употребление эвристических фразеологизмов библейского происхождения / Т. М. Шихова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 102–109.
25. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / автор-составитель Вадим Серов. – Москва, 2004. – 877 с.
26. Яцевич, К. И. Библеизмы в чешском литературном языке: На фоне русского и немецкого : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Яцевич К. И. – Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.

S.A. Gromyko

BIBLICAL INTERTEXT IN THE RUSSIAN NATIONALIST DISCOURSE OF THE EARLY 20th CENTURY

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-012-00111 «Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise»

The work examines biblical phraseological units, winged expressions, quotations, names, plots that were used in the public parliamentary discussion of the early twentieth century in the State Duma. The biblical intertext is analyzed from the standpoint of its functioning in the intentional and persuasive aspects.

Intertext, bibleisms, parliamentary discourse, intentionality, persuasiveness.